

Андрей Приданников

"Зазеркальные" материалы

время и герои братьев Стругацких

16+

Андрей Приданников

**Зазеркальные материалы. Время
и герои братьев Стругацких**

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Приданников А.

Зазеркальные материалы. Время и герои братьев Стругацких /
А. Приданников — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Даже по прошествии века после завершения таинственной операции
"Зеркало", её тень продолжает отпечатываться на людях и событиях Мира
Полудня...

Содержание

05.12.2235г. Музей	5
12.12.2235г. Координационный штаб прогрессорских операций	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

05.12.2235г. Музей

В начале декабря около часу дня я сидел за столом в своем кабинете в Музее внеземных культур, пил вино и смотрел через окно, как метель, который уже час, заметает Свердловск. Заметало город основательно; из окна, с верхнего этажа, где на галереях находились рабочие кабинеты сотрудников, были видны только размытые силуэты окрестных кварталов в снежных завихрениях. Очень легко было представить себе, как такая же метель резвилась здесь и сто, и тысячу лет назад, и много ещё раньше. Я отпил вина из стакана, благостно взглянул на бутылку, где оставалась еще половина, и уставился в экран. «Легко видеть...» – значилось в последней строчке. Надо было набросать текст от руки, да запихать в транслятор, запоздало подумал я. Со времени работы на Гиганде у меня эта привычка – писать от руки; говорят, дикая какая-то привычка. Не знаю... Никакого текста не хотелось мне составлять: ни печатного, ни рукописного. Опять всё то же самое... «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Подумай о том – не знаю о чём, придумай то – не знаю чего. Как обычно. Как последние годы, и началось это ещё задолго до «Всплеска». Приходит, как всегда, с загадочным видом Каммерер, приносит материалы из своих бездонных архивов, просит проанализировать, мнение высказать... Кажется, это даже не архивы, а какой-то генератор мифов: диких, нелепых, страшных, курьезных. Станных. А главное – на все случаи жизни. «Что по поводу этого можешь сказать?» – спрашивает Каммерер и вываливает кучу документов самого разнообразного формата и содержания. Смотрю, изучаю, озвучиваю суть, если нахожу ее. «Отлично!» – говорит Каммерер. «Молодец!» – говорит. А вот в этом аспекте? – и вываливает вторую кучу документов, которая всё с ног на голову ставит. И дальше в том же духе. Интересно, это и есть основное проявление «синдрома Сикорски», когда документы никак не систематизируются?

Налил себе ещё, выпил, бесцельно пролистал, раскрыв веером, пачку раритетных документов от Каммерера. В музеях их бы выставлять, глядишь – народ бы в музей потянулся. Самому «свежему» документу почти восемьдесят лет. И зачем Каммерер мне принес их? Нет, есть, конечно, среди них такое, что даже у меня пальцы дрожали, когда читал, сверял, с ранее казавшимися банальными фактами сопоставлял. Но – только подтверждения: ожидаемые, веские, приятные тем, что предполагал я их наличие. А в принципе ничего нового, вон – «Всплеск» мой перечитайте... Сам вот недавно пробежал его. Да-а, что-то многовато там тупой восторженности, гордой раздутости от иллюзии осведомленности своей... Впрочем, раз Каммерер сам не поставил никакой задачи – значит, не нужно ему пока конкретное суждение, надо обговорить тему. А что обговаривать? Всё и так ясно – истекает срок секретности по операции «Зеркало», и это почему-то волнует старика Каммерера. Он что, хочет как-то препятствовать открытию этих материалов? Бред... Прежде всего потому, что это невозможно – тут прямой закон, обойти который ни при каких обстоятельствах невозможно. «Ни при каких обстоятельствах...», – повторил я про себя и улыбнулся. А потом, для чего это, собственно, может требоваться Каммереру? Ума не приложу... Подождать, что он сам скажет; может просто хочет привести материалы в порядок, опись составить... Кстати, вот опись бы мне не помешала – это мысль хорошая. А Каммерер скоро появится, что-то на этой неделе его не было слышно. И когда появится он, наш новый Сикорски – я опять улыбнулся – скажу ему, что ничего нового во всем этом – я похлопал по кипе листов на столе – нет. И не было, и быть не могло... Хотя, быть-то могло, и очень может статься, что было... Но! Но из того, что я за всю свою сознательную жизнь узнал по данному вопросу, следует только один железный вывод. Железобетонный: нету у нас доказательств присутствия и деятельности за последний век Странников ни на Земле, ни на Периферии! Ну, нет и всё. Хоть режьте вы меня, хоть ещё что... Как не хотел бы сам я, между прочим, в это верить. Не видел я их, не нашел, не показал мне их ни Каммерер, ни кто-

то другой. Да – косвенных доказательств полно, да – сопоставляя множество разнообразнейших фактов, можно при желании построить версию, прекрасно всё объясняющую... Но, опять же – версию и при желании.

Я перелил остатки вина в стакан, отпил. Сказал себе: или Каммерер чего-то мне всё это время не договаривал, или... А что «или»? Нет никаких приемлемых «или». Не выжил ведь старик из ума? Нет, не выжил. Да и не старик совсем. Вон, Сикорски покойный постарше был...

Так что же я скажу Каммереру? – с тоской подумал я в очередной раз. Скажу, что ничего нового я в его манускриптах не увидел (как будто бы мог!). Скажу, что предположение выдвинуть можно, если соскучились по всеобщему зубоскальству, а то и по простым оскорблениям. Горбовский же это, кажется, выдал: «Странниками, как и промыслом божьим, что угодно объяснить можно». Предположение, естественно, хорошее, крепкое, совсем даже не из пальца высосанное, хорошо всё объясняющее, да и мне лично симпатичное. Вот только я выдвину его, а еще кто-нибудь – другое, но также хорошо всё объясняющее. А кто-то третий напридумывает десяток отдельных объяснений для десятка отдельных случаев или групп случаев. И будет прав. В том смысле прав, что его версии, как версия второго, как моя версия, будут хороши, логичны, но ни подтвердить их окончательно, ни опровергнуть будет невозможно.

Про Горбовского я подумал, потому что взглянул на его портрет на двери кабинета. Я его давно храню, не помню уже, как он появился у меня, и везде таскаю с собой по таким вот кабинетам, где работаю над моими любимыми Странниками. Это даже и портретом назвать нельзя – старая черно-белая копия с какой-то репродукции. Подозреваю даже, что с картины какой-то, а не фотографии. Леонид Андреевич, точнее только голова его, запечатлен как-бы в движении, в порыве что-ли. И взгляд его, только что устремленный куда-то в даль, за горизонты куда-то, скользя, спотыкается на зрителе и зарождается в нём такое недоумение: мол, а ты-то чего тут делаешь, чего торчишь, чего пялишься? Люблю я этот портрет, обожаю... А вот с сами Горбовским я и не встречался никогда. Впрочем, может и хорошо – язвительный, говорят, был старикашка. Но вот гонялся он за Странниками ещё лет сто двадцать назад – погонялся-погонялся, да и бросил. Повзрослел, сам говорил, помудрел. Потом Комов гонялся. А уж Сикорски с Каммерером как гонялись – любо-дорого вспомнить! Лихо, со свистом, со стрельбою... С играми шпионскими. Люденев вот выловили. Ну, как решили считать... Вернее, это уже Каммерер один выловил. На Тойво. Кстати, люденевы, будем так их называть, ничего нам о Странниках не сообщили. То есть вообще ничего. Не упоминали об. Это отметили, но никого это уже ни на какие размышления не сподвигло. Не хотел никто тогда уже ни о чём эдаком размышлять. И, кстати, в той истории с Абалкиным далеко не все так просто... И что обидно – не узнаешь ведь уже, что-то там было на самом деле! И не скрывает этого ни Каммерер, ни ещё кто другой. Сикорски все с собой унес.

Но какие ведь времена были! – мысленно вздохнул я. Следопыты... ГСП... Странники всё те же, будь они не ладны. Контакты первые, галактическая дипломатия, галактическое сообщество, прогрессорство... Галактическая империя земной нации... Весело было, впереди дорога была, смысл был. Придуманый – да! Поиски Странников! Уже тогда – всегда – умные люди над этим посмеивались. Чем бы дитя не тешилось... Но ведь мы на этих поисках полгалактики проехали, пока остановились. Пока не нахлебались контактов, прогрессорства, кризисов дипломатических и всяких других разных, фобий, синдромов... Потом в Большое Открытие въехали, да так остановились с разинутым ртом и моргающими глазами, недоумевая: «где это мы?», «кто здесь?»

Вот рассуждаю я так, завидую, что не довелось мне в те времена прожить, а родился я лет на сто пораньше – ещё не известно, увлекало бы меня все это или нет. Я ведь и в прогрессоры пошел из-за влюбленности в те, уже прошедшие, времена, из-за романтизма их, который сам себе в голову и вбил. А тогда только начиналось прогрессорство, ловля Странников... Сидел бы себе где-нибудь в лесах, лесником каким-нибудь или библиотекарем, архивариусом... Вот

в музее этом экспонаты с полки на полку переставлял бы. Кстати, когда он открыт был? Лет сто ему-то есть. Вот с Глумовой бы знакомства водил... Красивая была. Да-а... «Посидим немного тупо глядя на свои руки, как Майя Тойвовна», или: «Ну, что сидишь, как Глумова?» Это ходили в КОМКОНе-2 на закате его деятельности такие шуточки. Восходило все к эпическому «делу Абалкина», к сцене первого знакомства тогда ещё молодого и чертовски энергичного Биг-Бака с Глумовой всё в этом же музее. Когда он под личиной туповатого журналиста вваливается к ней в кабинет на предмет поиска Абалкина, а она, в полной прострации после ночи с этим самым Абалкиным, сидит, положив руки на стол, и то ли куда-то в никуда таращится, то ли на свои руки, и совершенно не понимает, чего от неё хотят, а потом рыдает у него не груди. Наверное, тогда это и случилось, потому что, если нашего Каммерера цепляет что-то по-настоящему, то или цепляет сразу с самого первого начала, или уж не цепляет никогда. Но там события понесли, и уже через несколько дней Абалкина пристрелили на глазах у Глумовой в присутствии Каммерера со всеми последствиями... Для неё он так, кажется, навсегда и остался персонификацией всего того ужаса. Ну а сам он после того, конечно, ничего и не предпринимал. Но вот ведь чуден мир! Её сын потом приходит работать к Каммереру, не зная ничего этого... Интересно, какие были у неё первые мысли? Кстати, откуда следует то, что Каммерер был влюблен в Глумову, никому доподлинно не известно, хотя почти все в этом были уверены. И сцена эта с журналистом и с руками, свидетелями которой могли быть только они двое – в смысле Глумова и Каммерер – тоже непонятно откуда известна. Не представляю, чтобы Каммерер, а тем более Глумова, об этом распространялись. Однако же, вот она, есть такая легенда. Которая идеально ложится на некоторые общеизвестные, но сами по себе странные факты.

В общем, решил я, не буду писать никакого отчета, пусть Каммерер ставит конкретную цель. А позвоню-ка я лучше Изольде, если она вернулась уже... И тут, как часто уже бывало, не успел я об Изольде подумать, как она сама мне и позвонила. Я взял со стола тяжелую трубку дребезжавшего стационарного телефона. Похоже, при создании музея их раздали сотрудникам из тех предметов материальной культуры внеземного происхождения, которые не поместились ни в экспозиции, ни в фондах. Почти такие же по виду угловатые коробки я видел на Гиганде в министерстве иностранных дел Алайской империи.

– Вандерера пригласите! – услышал я в наушнике официально-растерянный голос Изольды, как всегда, когда она звонила в какие-нибудь не знакомые места.

– Привет, – сказал я в мембрану.

– Ты где пропал? – осведомилась Изольда.

– Ну, я работаю, как-бы... – сказал я.

– Молодец! А я номер-то твой рабочий потеряла... Ташусь с корабля, с рюкзаком, одна...

– Нуль-экспрессом, – продолжил я.

– Ну, да. На чем же ещё оттуда доедешь, коли не встречает никто...

– Кстати, по моему потерянному номеру ты сейчас мне и звонишь.

– Да? А, ну да – я Вальке позвонила и...

– Понятно. До вечера чем заниматься будешь?

– Рюкзак раскидаю и спать.

– Хорошее дело. А потом?

– Ну, потом – жду. Расскажу много чего.

– Отлично. Тогда, как освобожусь – позвоню, хорошо?

– Ага, целую... Ну, давай!..

Через минуту или две до меня дошло, что я сижу с идиотской, должно быть, улыбкой и тупо таращусь на телефон. Точь-в-точь, наверное, как Майя Глумова. Ну, да что это я...

Тут телефон снова зазвонил, затрясся, так что я быстро рванул трубку.

– Добрый день, Тим, – сказал Каммерер. – Я тебя не отвлекаю?

- Здравствуйте, – сказал я, стараясь прогнать из голоса мечтательность. – Слушаю.
- Тим, мне поговорить с тобой нужно сегодня о тех материалах, что у тебя сейчас. Сможешь ко мне подойти, или мне заехать?
- Я приду. Когда?
- Подходи через час.
- Хорошо. Материалы брать?
- Да не надо, – как мне показалось, с секундной заминкой сказал Каммерер. – Пусть там пока лежат...
- Понял, буду через час.

Положив трубку, я подумал, что слишком много какой-то непонятной возни, неудобств, недоговорок вокруг этих материалов. И ведь было бы из-за чего! Однако, сам себе удивляясь, я собрал документы – несколько разнокалиберных папок – и засунул их в ящик стола. Ящик закрыл на ключ, торчавший в замке, которым и не пользовались, наверное, никогда раньше. А сам подумал: ну, да – вы уже прятали здесь детонаторы... «Сейф большего, чем обычно, размера... Доступ ограничен и контролируем» И что вышло? Безобразная сцена, танец с саблями...

Закрыв кабинет на свою личную карточку – как-никак внештатный научный сотрудник музея – я решил, что прогуляюсь и за одно где-нибудь перекушу, тем более что было уже около двух. А прогуляюсь я «маршрутом Абалкина», только в обратную сторону...

Все оказалось примерно так, как я и предполагал. Речь шла о предстоящем окончании срока секретности материалов по операции «Зеркало».

- Какие выводы можно сделать из них? – спросил Каммерер.
 - Материалы разрознены, отрывочны, – сказал я. – Они подтверждают, что проводился большой комплекс мероприятий, общая цель которых – предположительно, так как планов и приказов на развертывание с указанием цели нет – проверка готовности существовавших на тот период институтов и служб к отражению активного вторжения инопланетных сил в сферу интересов Земли.
 - Я это знаю, – сказал Каммерер.
 - Размах и количество мероприятий, – продолжил я, – позволяют говорить, что отношение к поставленным задачам, какие бы они ни были в действительности, являлось самым серьезным, то есть для организаторов мероприятий они представлялись жизненно-необходимыми. Далее, как я говорил, да и вы знаете – полностью отсутствуют документы, инициирующие эти мероприятия, а также ссылки на эти документы. Перед нами – отчеты о выполнении и частные, не подвергнутые анализу, технические итоги мероприятий. Создается впечатление, что единственным смыслом являлся сам факт проведения этого комплекса... мероприятий, известных под названием «операция «Зеркало». Однозначно то, что операция была проведена спонтанно, а получения выводов, кстати лежащих на поверхности, и принятия на их основе необходимых решений и планов на будущее, как будто никому и не требовалось.
 - Что можно сказать о характере проведения самих мероприятий?
 - Они – по сути являвшиеся тренировками, учениями – проводились... в обстановке, приближенной к боевым условиям, что-ли... Это совершенно четкое впечатление. Как если бы объявили учебную тревогу без всякой подготовки. Или... – я сделал паузу.
- Каммерер молчал, смотрел на меня.
- Или, как если бы тревога была не учебная.
 - А какая? – спросил Каммерер.
 - Я говорю о впечатлениях, – сказал я и продолжил с вопросительной интонацией: – И если нет никаких других документов, первоисточников... То сделать однозначного вывода нельзя.

– Других документов действительно нет, – сказал Каммерер и, пожав плечами, добавил: – По крайней мере, у меня; и я не слышал об их существовании.

– Ну а воспоминания? – я уже чуть было не взмолился. – Я имею в виду самих руководителей, тех, кто инициировал мероприятия, кто знал причины...

– Воспоминаний таких нет.

– Почему?

– Не знаю.

– Но, ведь кто-то из них еще жив, наверное?

– Вероятно, нет. Да я и не знаю, кто конкретно принимал решения.

– Знаете, Максим, – сказал я, – вы чего-то не договариваете. Вы видите, что даже разговора у нас не получается.

– Вижу, – как-то очень спокойно сказал Каммерер. – Скажите, Тим, при опубликовании этих документов, при их доступности для свободного анализа, может быть сделан вывод о каком-либо присутствии Странников в тех событиях?

Признаться, смысла вопроса я не понял, хотя и ждал упоминания о Странниках.

– Предположения, – я выделил это слово, – всегда можно делать любые. А тут уж сам бог велел. Вы знаете мое отношение к данной теме. Я бы сделал такое предположение: операция «Зеркало» была каким-то, если не паническим, то рефлекторным, но никак не спланированным... отражением – я криво улыбнулся – спонтанной атаки, агрессии... Нет, не так... Соприкосновения с некой силой галактического масштаба, условно назовем которую Странниками... Так вот, если и не отражением, то это была сначала реакция на соприкосновение, шок..., а потом – деятельность по сокрытию самого факта такого соприкосновения.

Я перевел дух и поспешил добавить:

– Но это именно предположение и именно мое. Фактов, повторяю – фактов, подтверждающих это, я не нашел никаких. Не нашел не только в этих документах, но и вообще за все время, что я этим интересуюсь. Таким образом, предложена и озвучена, – мне показалось, что я наконец уловил суть вопроса Каммерера, – может быть и такая версия. Практически со стопроцентной вероятностью.

– Сначала шок, а потом – сокрытие? – спросил Каммерер.

– Мне кажется, да, – сказал я и назвал конкретные обстоятельства, почему мне так кажется.

– Да, верно, – сказал Каммерер и прошелся по тем же обстоятельствам немного под другим углом. Получалось, что он изучал все эти материалы, размышлял над ними, вообще над многими событиями того времени и последующих времен.

– Тим, – заговорил он после недолгой паузы, – я нахожусь в немного затруднительном положении. То, что я скажу, я никак не могу подтвердить, это не мои предположения, и я не уверен в истинности этой информации. Это информация, передана мне уже давно одним из тех инициаторов мероприятий, о ком вы говорили. Его уже нет в живых. Суть такая, что в ходе операции «Зеркало» имел место контакт со Странниками. Было что-то вроде переговоров и соглашения. Суть соглашения – обеспечить сокрытие самого факта контакта. То есть мы, земляне приняли такое обязательство и должны его исполнять. Почему – я не знаю. Это все, что мне сообщили. Это было передано мне в виде не подлежащего обсуждению приказа. Понимаю, звучит это все дико, – он замолчал.

– Ну, так я вам то же самое и сказал, – сказал я. Почему-то радости от подтверждения своих измышлений я не почувствовал, как и удивления.

– Короче говоря, я не знаю, что мне теперь делать, – сказал Каммерер. – Именно теперь, – продолжил он, предвосхищая мой вопрос, – потому, что публикация материалов по «Зеркалу» вызовет... может вызвать всплеск интереса к данной теме. Будет высказано предположение о том, что был контакт со Странниками. Начнутся какие-нибудь поиски. А я не уверен, что в

действительности нет никаких подтверждений, фактов, документов. Предположим – они есть. И предположим, что соглашение со Странниками имело место. При этом, условий соглашения я не знаю. Получается, что соглашение может казаться нарушенным с нашей стороны, а какие могут быть последствия – не известно. Я не думаю, что речь может идти о какой-то угрозе, но ситуация совершенно не ясная. В этих обстоятельствах я бы не хотел, чтобы тема Странников снова стала предметом общественного обсуждения. Нам надо самим искать подтверждения, опровержения – хоть какую-то дополнительную информацию. По крайней мере для себя составить представление обо всем этом, чтобы было, чем руководствоваться... И ведь я понимаю, что все это – мои страхи, реального подтверждения которым я не вижу... В общем, что делать – я пока не знаю.

– Ну, а как можно не допустить рассекречивания? – спросил я.

– Убеждать Мировой Совет.

– Рассказав, что был контакт?

Каммерер невесело улыбнулся, пристально глядя мне в глаза.

– Это всё равно, что объявить про контакт по всемирному вещанию, – сказал он.

– Да, верно, – согласился я.

– Я, кажется, только теперь понимаю, что должен был чувствовать Сикорски, – сказал Каммерер.

– От меня что-нибудь требуется? – поспешно спросил я, чтобы скрыть почудившуюся мне неловкость.

– Ты составлял какой-нибудь текст, обзор того, о чем сейчас говорил? Ну, из чего ты сделал вывод о том, что... было соприкосновение.

– Нет еще.

– Сформулируй тогда, опиши подробно, с обоснованиями. Потом дашь мне посмотреть.

Материалы пусть пока у тебя остаются. В музее.

– Хорошо. Как срочно?

– Недели тебе хватит?

– Да меньше даже. Как закончу, я сообщу.

– Договорились, буду ждать.

БВИ, терминал «Мировой совет», раздел «административные структуры»

Запрос: «Чрезвычайный комитет».

Ответ (фрагмент): «*Чрезвычайный комитет Мирового совета (ЧК МС) – исполнительная служба, ответственная за прогнозирование, предотвращение, ликвидацию чрезвычайных ситуаций. Возглавляется Председателем (в наст. вр. Каммерер М., с 2207г.), который имеет статус члена Президиума МС. Подчиняется непосредственно Председателю МС. Создан при реорганизации структуры МС в 2207г. Кроме того, на ЧК МС возложена часть функций, осуществлявшихся до ликвидации Комиссией по контролю (КОМКОН-2) и Советом Галактической Безопасности (СГБ)...» (конец фрагмента).*

12.12.2235г. Координационный штаб прогрессорских операций

Стенограмма совещания у руководителя сектора «Гиганда»

«Присутствовали: Яшмаа – руководитель сектора, Комов – от Комиссии по контактам, Сидоров – от Президиума Мирowego совета, председатель ЧК МС Каммерер, Серосовин – помощник Каммерера, сотрудники оперативного и аналитического отделов штаба, операторы, секретари.

Яшмаа. У нас есть даже не несколько дней, а несколько часов, чтобы попытаться обеспечить исполнение всей нашей стратегии на Гиганде. Именно несколько часов, чтобы принять принципиальное решение и не более трех-пяти дней, чтобы его реализовать. Сейчас в войне сложилось уникальное положение, это – критическая точка, точка бифуркации, как ещё говорят. То есть сейчас возможно, предприняв определенные действия, кардинально изменить даже не ход войны, а само направление развития цивилизации на Гиганде. Сейчас в войне создано как-бы равновесие, но время работает не на алайцев, потому что они находятся на пике возможного развития и концентрации, напряжения сил. Конфедерация, напротив, вступив в фактически инициированную ею войну не подготовленной, постепенно всё же оправляется от первоначального шока и наращивает силы. Пока это почти не заметно, но на них будет работать их развитая промышленность, не пострадавшая в прошлую войну, и ресурсы, которые, в отличие от Алайской Империи, находятся у них дома. И когда именно это промышленное и ресурсное превосходство начнет проявляться – процесс уже будет ничем не остановить, их победа будет только вопросом времени. А поскольку объектом нашей стратегии является Империя, то победа Конфедерации отбросит все наши наработки на Гиганде к периоду наблюдения, я уж не говорю о том, что рухнет именно стратегия «цивилизационного подъема», которую мы впервые осуществляем на практике. С тем же типом цивилизации, который формируется в Конфедерации, нам придется работать, боюсь, не один десяток лет. Что-то подобное было у нас на Земле перед объединением. Но это были изначально малые в масштабе планеты, изолированные социумы, заключенные обычно в свои государственные границы – и то нам пришлось с ними повозиться. А тут Конфедерация, в случае её победы, распространит прямо или косвенно свое влияние, свой менталитет, культуру на всю планету. И, конечно же, военная победа Конфедерации будет выражена в форме, во-первых, оккупации Алайской империи, а во-вторых – в ассимилировании ее в культурно-ментальном плане. Хорошо ещё, если не будет просто геноцида.

Сидоров. Позвольте, Корней Янович. Вы как-то очень уж демонизируете эту Конфедерацию. Я в ваших делах не специалист, и мне просто хотелось бы понять... Ведь Конфедерация – это... как там название... олигархическая республика, буржуазная республика... демократия низшего порядка, но ведь – демократия, последний этап перед социалистической стратегией развития; и там, как я слышал, как раз есть зачатки социализма, оппозиция... А эта ваша Империя – это же феодализм, диктатура. И как-будто они при своей победе не будут наводить террор в Конфедерации?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.